

ИСЛАМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

УДК 297.1:17

Л.Х. Авшалумова, Р.М. Абакарова

О практических причинах современного экстремизма на Северном Кавказе

Дагестанский государственный университет; tanager@mail.ru

В статье ставится проблема выявления и определения практических причин возникновения экстремизма в традиционно стабильном обществе Дагестана. К основным причинам отнесены: безработица, потеря ценностной ориентации молодежи в постсоветском пространстве, активная работа миссионеров фундаменталистских религиозных идей.

Ключевые слова: *экстремизм, причины экстремизма, духовный кризис, ценности молодежи.*

In article the problem of revealing and definition of the practical reasons of occurrence of extremism in traditionally stable society of Dagestan is put. To principal causes are carried: unemployment, loss valuable youth orientations in postsoviet space, active work of missionaries of fundamentalist religious ideas.

Keywords: *extremism, the extremism reasons, spiritual crisis, values of youth.*

Причины усиления экстремизма и терроризма в Дагестане в основном связаны с нестабильностью экономического и политического развития, массовой безработицей низкими доходами большинства дагестанцев, нерешенностью социально-бытовых проблем, коррупцией во всех эшелонах власти [1, с. 3].

Все эти обстоятельства способствовали тому, что часть дагестанского общества, в основном безработная молодежь в возрасте 20–30 лет, стала восприимчива к идеям свержения политического строя. Среди причин, порождающих экстремизм и терроризм в Северокавказском регионе, доминантными М.Я. Яхьяев считает социально-экономические и политические. Он пишет: «Общеизвестно, что этот регион России является наиболее трудоизбыточным, безработица здесь приобрела массовый характер, имущественное расслоение граждан достигло беспрецедентных размеров, коррупция, клановость, кумовство не имеют аналогов в других регионах России, а выборы и назначения на ответственные должности давно превратились в открытую куплю-продажу вождя-ленных мест. Именно здесь произвол чиновников и представителей правоохранительных органов достигли таких масштабов, что люди предпочитают защищать свои интересы нелегитимными средствами и нередко при помощи оружия» [4, с. 12].

Другие исследователи к таким факторам также относят проблемы в межнациональных отношениях, укрепление «своих» кадров, появление теневой экономики с негативной окраской, несправедливое распределение национального дохода, неравномерность экономического развития национальных районов, непропорциональное представительство разных народов в управлении государственными и общественными делами в полиэтничном регионе, отсутствие в государстве социальноориентированной экономической и законодательно-правовой политики [2, с. 79].

Еще одним фактором усиления экстремизма «является увлеченность специальных структур государства силовыми методами борьбы с отдельными носителями радикальных идей. Политики, определяющие стратегию и тактику противодействия радикализму, отождествляют проблему преодоления экстремизма как социального явления с

борьбой против конкретных экстремистов и, тем самым, показывают абсолютное непонимание диалектики общего и единичного» [4, с. 13].

Эти причины и сегодня остаются благодатными для активизации экстремизма и терроризма, особенно в молодежной среде, «которой проводники радикальных идей, прикрывающиеся исламскими лозунгами, указывают в качестве выхода из создавшейся ситуации вооруженную борьбу с властью и конституционными устоями демократического светского государства» [4, с. 12]. В Дагестане сложилась социальная поляризация, способствующая росту экстремизма и терроризма, социальной апатии и вражды между бедными и богатыми, властью и народом. А.-Н. Дибиров отмечает, что основная масса населения довольно равнодушно, безразлично относится к ходу борьбы с терроризмом. Такое положение сохранится до тех пор, пока власть не будет иметь легитимного статуса у народа [2, с. 127].

Субъективными практическими причинами расцвета экстремизма являются психологический дискомфорт, перманентно испытываемый людьми в условиях низкого жизненного уровня, неудовлетворенность важной потребности в смысловых идеях и ориентациях в условиях идейного плюрализма (отсутствия четко выраженной общегосударственной, национальной идеологии).

Весь этот комплекс объективных и субъективных факторов порождает социальную почву для массового экстремизма и особое состояние индивидуального сознания. Суть этого состояния в ощущении личностью своей социальной дезинтеграции, ненужности и чуждости собственному государству и своей социальной группе, с которыми она прежде себя интегрировала, в ощущении социального дискомфорта, вызванного нищетой и социальной бесперспективностью личной жизни в современном российском обществе, в мировоззренческой дезориентации при одновременном ощущении полной социальной беспомощности и утрате жизненного оптимизма, позитивной жизненной перспективы в существующей социальной системе.

В сложной социокультурной ситуации школа, как средняя, так и высшая, утратила для дагестанской молодежи статус единственного источника знаний о мире, она перестала быть для них инстанцией формирования жизненных ориентаций. Это обусловлено в первую очередь бурным ростом теологических вузов, агрессивных средств массовой информации. Необходимым является проведение более детального исследования, выявляющего психологические условия возникновения этой тенденции и моделирующего педагогические обстоятельства ее преодоления.

В 90-е годы федеральная и региональные власти в решении своих стратегических и тактических задач постоянно искали опору в неких кругах национальных элит и религиозных деятелей, которые в той или иной мере были лояльны к проводимой на Северном Кавказе политике. В ситуации крайнего обострения обстановки прием показал свою эффективность. С помощью психологического давления элит население принимало даже крайне непопулярные акции и обеспечивало беспрецедентные для современной России показатели лояльности к власти в период выборных кампаний. Эксперты из федерального центра, однако, не учли, что реальный авторитет элит держится на финансовой поддержке со стороны все той же власти. Авторитет этих элит и так был не очень высок.

Население республики не без оснований полагает, что деньги, выделяемые федеральным центром на различные акции, оседают в карманах представителей элит. Обыденное сознание предполагает, что колоссальные различия в доходах самой бедной и самой богатой частей населения возникают именно за счет этого механизма политического влияния. С середины 90-х годов богатые земляки из г. Москвы, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Ростова стали частыми гостями на своей малой родине, функционально замещая традиционные формы общинного самоуправления.

Постепенно институт джамаата (община на дагестанских языках) приобрел в сознании дагестанской молодежи достаточно условный статус. Сегодня сельская община практически не имеет возможности эффективного воздействия на молодое поколение. Её авторитет формально сохраняется и по необходимости власть порой собирает сельские сходы и советы старейшин. Однако регулировать повседневное поведение дагестанцев общинане может.

Более сложные процессы протекают в таком социальном институте, как семья. У подрастающих поколений дагестанцев вопрос личных свобод и потребностей имеет приоритетный характер. Практически каждый подросток добивается «своей» комнаты, или сугубо «своего» пространства в общей комнате. 90 % предполагающих вступить в брак не собираются жить с родителями, а планируют строительство или покупку своего жилья. Такие требования были немыслимы в старом Дагестане.

Существенно повлиял на семейные устои дагестанцев и процесс религиозного возрождения. Ислам до 1991 года воспринимался дагестанцами как часть этнической истории. В обращении к исламским традициям и ценностям видели возможность преодоления неоднозначной социальной ситуации. Однако религиозные запреты и предписания (особенно такие, как полный запрет потребления алкоголя) воспринимались как некая условность. Охотно декларировалась необходимость этих норм, но выполнялись они по возможности. Нельзя не согласиться с мнением А. Малашенко, который полагает, что ислам существенно снизил потребление алкоголя на Северном Кавказе. Но и ситуации, когда конец мусульманского поста отмечают доброй чарочкой, тоже имеют место быть.

Как результат подростки (сын или дочь), которые по моде или согласно требованиям родителей посещали мечеть, очень быстро убеждались, что сами родители не имеют силы воли в соответствии с требованиями исполнять предписания ислама. У подростка появлялась реальная возможность уличить родителей в их несправедности. Конфликты с родителями довольно часто приводят к самоизоляции подростка от других членов семьи. Сегодня в Дагестане не редкость семьи, где одна дочь одета в соответствии со строгими требованиями шариата, в хиджаб, вторая – в ультрамодные европейские наряды, третья – в традиционный платок и полагает, что только она соответствует кавказской традиции.

Это обстоятельство породило известное недоверие к религиозным формам обучения и воспитания со стороны старшего поколения. Однако возникший вакуум трудно чем-то заполнить. И семья начинает упрощать проблему. Сегодня многие молодые семьи сводят процесс воспитания к двум акциям – определению ребенка в секцию по борьбе или карате и на курсы по обучению национальным танцам. Свое собственное участие в воспитании ребенка они видят в поощрении непосредственности и агрессивности в поведении ребенка, полагая, что в современном мире это важнейшие для выживания качества. Отсюда и чрезвычайное внимание к спортивным единоборствам.

Примечательно, что вольная борьба, где дагестанцы всегда доминировали, постепенно уступает таким видам, как «борьба без правил». Однако упование на воспитание детей только через спорт чревато разочарованиями. В последнее время в печати замелькали сообщения о преступлениях, совершаемых спортсменами, и, что более тревожно, об их участии в террористических акциях.

Особо острые конфликты возникают в семьях, где отцы не трудоустроены или работают неполный рабочий день. Это вынудило большинство домохозяек трудоустроиться. В зависимости от места работы они получают порой зарплату большую, чем муж. В патриархальном Дагестане такая ситуация приводит к изменению внутрисемейных ролей и отношений. Наиболее сложные конфликты возникают в семьях, где глава – бывший заводской инженер или советский чиновник. Эти люди, привыкшие к уважению за

свои профессиональные качества, встречаются с довольно жесткой обструкцией в собственной семье.

Суть претензий проста – если ты такой умный, почему ты такой бедный. Современные подростки, в отличие от своих родителей, не имеют той идеологической и этической нагрузки, которая сопровождала личность в советские годы. Для них источником успеха является неумное желание иметь, достижение которого оправдывают любые действия, с помощью которых успех достигался.

При этом желаемый объект должен быть присвоен немедленно, здесь и теперь. В такой ситуации минимизируется воздействие социального окружения, для такой личности мнение и позиции окружающих имеют значение, близкое к нулю. У столь эмансипированной личности возникает два возможных варианта самореализации – внешнее принятие условий и активное, с применением любых средств, достижение некой суммы материальных и квазисоциальных ценностей.

Этот вариант достижим при наличии известных внешних обстоятельств – влиятельных родичей, возможности манипуляции другими и определенная мера успеха. При этом в необходимых ситуациях цели, задачи, мнение рода и семьи могут быть весьма жестко проигнорированы. Второй вариант – это поиски социальной справедливости, попытка определиться в базовых духовно- нравственных категориях. Поиск смыслов и значений жизни в рамках традиционных религиозных практик требует длительного времени и сил, а мы имеем дело с личностью, которая не желает и не умеет ждать. Поэтому выбор делается в пользу многочисленных мусульманских, христианских, эзотерических сект, которых в республике достаточно большое количество. Эти секты ведут активную и практически ничем не регулирующую деятельность. Здесь подросток и находит уже готовые ответы на все свои вопросы, в т. ч. указания о необходимых героических действиях по преобразению мира, здесь же формируется готовность к жертвам и лишениям ради великого будущего. В данной ситуации цена их собственной жизни и жизни родичей приближается к нулю. Это уже иное сознание и иная личность. И рекомендации властям наказывать семью, род, село, устраивать для них специальные режимы проживания в возникшей ситуации практически бесполезны. Наоборот, для экстремистских группировок это очередная возможность показать бессилие власти и надежда на то, что всякого рода контртеррористические акции будут только пополнять их ряды.

В последние годы в Дагестане активно восстанавливаются формы и методы патриотического воспитания молодежи, выработанные учеными-педагогами республики за десятилетия. Следует считать большой заслугой ученых-педагогов не только сохранение традиций патриотического воспитания, но и привлечение властных структур к этой важнейшей социально-педагогической задаче. Думается, что в этом направлении еще предстоит большая и трудоемкая работа.

Известно, что Северный Кавказ является экономически депрессивным регионом и на фоне остальных регионов РФ Северо-Кавказские республики выглядят нищими. Кроме того политическая ситуация здесь зашла в тупик за счет реализации политики федерального Центра, согласно которой в политическом процессе участвуют многочисленные кланы по существу противостоящие рядовому гражданину.

Одна из самых популярных объяснительных моделей терроризма – сугубо психологическая, которая первоначально обозначалась как модель фрустрации – агрессии. Обращение к терроризму в этой модели объясняется длительным блокированием базовых ценностей личности (отсутствие работы, невозможность получить достойное образование, невозможность карьерного роста и т. д.). Однако исследователей смущала упрощенность этой модели, вследствие чего в последнее время появилось более адекватное объяснение – причиной психологической готовности к террористической деятельности была заявлена негативная личностная идентификация.

Негативная идентификация возникает, по предположению, в силу того, что группа, к которой принадлежит личность (этнос, конфессия, социальная прослойка), как правило, отнесенная к меньшинству, отчуждена от базовых жизненных ценностей. В силу этого личность избирает негативные формы идентификации. Разочарование в своих социальных перспективах формирует у такой личности мотивы к отрицанию ценностей, к которым она так сильно стремилась. Такое отрицание может стать основой к переходу от мысли к агрессивным действиям по отношению к тому или иному социальному институту.

В известной мере примыкает к этой модели и попытка объяснить террористическую деятельность блокированием доступа к информационному процессу. Имеется в виду не только доступ к информации, но и возможность презентации собственных проектов социального устройства. В современной истории Дагестана была организована целая сеть мероприятий, которые обеспечили широкий доступ радикальной оппозиции к СМИ, в т. ч. были организованы дискуссии, где представители противоборствующих религиозных группировок имели возможность открыто высказывать свои мнения. В течение определенного времени эти меры стабилизировали ситуацию в республике. К сожалению, информационная открытость не сопровождалась масштабными акциями социально-экономического плана.

При анализе таких явлений, как терроризм и экстремизм, «важно учитывать, что это сложное, комплексное социальное явление, которое существует в трех формах: 1) как состояние сознания (общественного и индивидуального); 2) как идеология (религиозная доктрина); 3) как совокупность действий по реализации религиозной доктрины» [3, с. 28]. Дело в том, что сам террористический акт – явление исключительное для исполнителя. Здесь нет никакой разницы между современными смертницами из Дагестана, царевубийцами накануне русских революций в начале 20 столетия или членами красных бригад в середине двадцатого столетия. Все они в той или иной степени были мотивированы личной ситуацией. Получается, что в подполье уходят лица, внешне вполне успешные.

Большинство террористов в той или иной степени хорошо ориентируются в системе социальных отношений, против которых и выступают с оружием в руках. И не только знают, но зачастую и вовлечены в нее. И здесь примечательным является пример Расулова и Мантаева. Оба они кандидаты наук по общественным наукам и имели доступ к общественному диалогу, который дагестанские власти организовывали с целью разрядки напряженной обстановки. Выступления, в частности, Расулова печатались местными СМИ, он был частым гостем на местных телеканалах. Проблемы быть услышанным, объяснить свое видение мироустройства у него не было. И сегодня различные дискуссионные клубы (не важно организованные властью или возникающие спонтанно) активно обсуждают социально-политические и духовно-нравственные проблемы республики.

Другой стороной является процесс примирения и возвращения бывшего террориста к мирной жизни. Здесь два тонких и сложных момента. Договор предполагает примирение власти и одного-двух или небольшой группы террористов. Их цель, как правило, ограничивается просьбой прекратить их уголовное преследование взамен на «выход из леса». Остальные «лесные братья», которых, по данным аналитических служб правоохранительных органов, достаточно много, в этих переговорах не участвуют.

И для тех, кто «выходит из леса» и прекращает борьбу с властными структурами, и для тех, кто находится в подполье и продолжает вести активную террористическую деятельность социальная ситуация практически не изменяется. Сохраняются коррумпированные социальные институты, стиль и методы социального управления, в рамках которого тот или иной субъект решил, что в этих условиях сохранить честь и достоинство невозможно. То, что «так жить нельзя» никто не отрицает. Если раньше разговор

об этом вызывал у власти и местных элит достаточно сильное раздражение, то сегодня сама власть признает, что в России (соответственно и на Северном Кавказе) коррупция стала тотальной. Примечательно, что об этом говорят высшее руководство страны, высокопоставленные чиновники, представители общественности. Вместе с остальными участниками политического процесса активно выступают против коррупции и те, чьи усилиями это преступное явление укореняется в нашей социальной реальности. Это означает, что массового выхода из леса террористических группировок в обозримом будущем не будет, скорее наоборот, социальные условия жизни по-прежнему будут подталкивать молодежь к различным формам протеста, в т. ч. и к вооруженному противостоянию. В этой ситуации есть необходимость в организации масштабных экономических акций, результаты которых могли бы если не полностью разрешить противоречия между личностью и обществом, то хотя бы снять остроту и напряженность противостояния.

Литература

1. Послание Президента Республики Дагестан Магомедова М.М. Народному Собранию РД 29.06.2011г. <http://president.e-dag.ru>
2. Дибиров А.-Н.З. Теория политической легитимности: курс лекций для вузов. – Махачкала, 2007.
3. Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления / под общ.ред. проф. Яхьяева М.Я. – М.: Парнас, 2011.
4. Яхьяев М.Я. Причины радикализации ислама в современном мире // Исламоведение. – 2012. – № 2.

Поступила в редакцию 28 октября 2012 г.